

41. Українська мова: Енциклопедія / [редкол.: В.М. Русанівський, О.О. Тараненко (співголови), М.П. Зяблюк та ін.]. — К. : «Укр. енцикл.» ім. М.П. Бажана, 2000. — 752 с.
42. Энциклопедия символики и геральдики [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.symbolarium.ru/index.php/>
43. Sandburg Carl. The Complete Poems / Carl Sandburg. — San-Diego; N.Y.; L. : Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1970. — 797 p.

В статье систематизированы научные подходы к изучению риторических вопросов в языке и речи, в частности поэтической. Обоснован собственный коммуникативно-прагматический подход к исследованию риторических вопросов в американском поэтическом дискурсе и выявлены их функции, что способствует адекватной интерпретации текста и определению коммуникативно-прагматических свойств риторических вопросов, направленных на обеспечение перлокутивного эффекта, то есть воплощение авторской интенции воздействия на читателя.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматические свойства, риторические вопросы, перлокутивный эффект, авторская интенция.

This article presents a systemic survey of scientific approaches to the study of rhetorical questions in language and speech, particularly in poetry. The author's grounding her own communicative and pragmatic approach to the study of the rhetorical questions in American poetic discourse and revealing their functions promote adequate interpretation of the text and the identification of the communicative and pragmatic properties of the rhetorical questions, which ensure the perlocutive effect, i.e. the realization of the author's intention of influencing the reader.

Key words: communicative and pragmatic properties, rhetorical questions, perlocutive effect, the author's intention.

УДК 811.111'371'42

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО АКТА УГРОЗЫ В РАННЕОВОАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАГЕДИЙ В. ШЕКСПИРА)

Ветров А.И.,

Киевский университет имени Бориса Гринченко

В этой статье рассматривается комплексный анализ менасива (речевого акта угрозы) в художественном дискурсе с позиций лингвистической прагматики; особенности коммуникативно-прагматической структуры художественного текста и специфика его конструктивной организации, способствующие процессу воздействия дискурса на читателя; сущностные признаки анализируемого речевого акта, а также стратегии и средства реализации речевого акта угрозы в дискурсе.

Ключевые слова: теория речевых актов, художественный дискурс, менасив, косвенные и прямые речевые акты.

Художественный дискурс несет на себе печать культуры определенного этапа в истории общества и языка. Необходимым для понимания процесса актуализации именно художественного текста будет выделение непосредственно специфики и параметров его организации, отличающихся от любого другого текста.

Как утверждает Т.А. ван Дейк, неверно было бы рассматривать художественное произведение только как совокупность определенных дискурсов, уникальность и своеобразие которых обоснованы исключительно их лингвистическими признаками. Зачастую художественные произведения по своим языковым, грамматическим и семантическим признакам несущественно отличаются, а иногда и вообще никак не отличаются от других типов дискурсов. При определении понятия художественного дискурса важнейшую роль играют не эти признаки, а непосредственно его прагматические функции.

Художественный дискурс понимается нами как коммуникативный акт, в котором писатель через свое произведение осуществляет попытку воздействия непосредственно на «духовное пространство» читателя как реципиента (под духовным пространством читателя мы понимаем здесь его систему ценностей, знаний, его взгляды на жизнь, чаяния и желания, личностные ориентиры) с целью воздействовать на него, внести некоторые изменения.

Но есть ли особенности в функционировании речевого акта угрозы именно в художественном дискурсе? По словам английского лингвиста Джона Р. Серля, автор художественного произведения *делает вид*, будто осуществляет серию иллокутивных актов (иллокутивный акт — акт осуществления одной из языковых функций — вопроса, оценки, приказа), обычно относящихся к репрезентативному типу, т.е. занимается «необманым псевдоосуществлением речевых актов, *притворяясь*, будто дает нам отчет об определенном ряде событий» [2].

Имея это в виду, мы видим, что влияние на читателя художественного произведения оказывается не только при помощи прямого воздействия на его чувства и мысли (так называемые перлокутивные акты в теории речевых актов Д. Остина [3, 53]), но и с помощью речевых актов репрезентативного типа, моделирующих «художественную реальность», которая вызывает у читателя ассоциации либо создает контекст для восприятия им определенных высказываний [5, 344–360]. Так, Джон Р. Серль отмечает в своей работе «Логический статус художественного дискурса», что «почти любое значительное художественное произведение передает “сообщение” или “сообщения”, передаваемые посредством текста, но не присутствующие в самом тексте. Только в детских рассказах, содержащих заключительное “Мораль этой истории такова...”, или у таких утомительно дидактических авторов, как Толстой, мы получаем эксплицитное представление осуществленных всерьез речевых актов, передать которые является целью (или главной целью) художественного текста. Литературные критики объясняют, каким образом автор передает серьезный речевой акт при помощи притворных речевых актов, составляющих художественное произведение...» [2].

Речевой акт угрозы (РА угрозы), или менасивный речевой акт, всегда привлекал внимание исследователей. Исходя из функционального подхода к языку, менасив можно определить как коммуникативно-прагматический класс высказываний со смысловой доминантой угрозы.

Менасив может быть прямым и косвенным. Речевой акт с эксплицитно выраженной интенцией, когда «говорящий имеет в виду ровно и буквально то, что он говорит», в теории речевых актов называется прямым речевым актом. Если же в речевом акте говорящий «имеет в виду прямое значение и, кроме того, нечто большее» [5, 195], такой речевой акт характеризуется как косвенный. Дж. Серль, описывая косвенные речевые акты, отмечает, что в «подобных случаях предложение, содержащее показатели иллокутивной силы для одного типа иллокутивного акта, может произноситься для осуществления, кроме того, иллокутивного акта другого типа» [5].

В зависимости от особенностей ситуации общения РА угрозы реализуется в речи при помощи различных дискурсивных стратегий, к которым относятся:

- прямой эксплицитный способ, при котором в реализующем РА угрозы высказывании одновременно эксплицируются все сущностные признаки (условия успешности) этого речевого акта;
- косвенный эксплицитный способ, при использовании которого в высказывании угрозы эксплицируется одно или два из основных условий успешности РА угрозы, а остальные условия имплицитируются;
- косвенный имплицитный способ, при использовании которого говорящий имплицитирует как принятие на себя обязательства по нанесению ущерба адресату, так и сущность этого ущерба.

Рассмотрение речевого акта угрозы невозможно без учета его ближайшего языкового окружения и условий употребления в силу отсутствия у него специализированных языковых средств выражения. Описывая художественный текст с точки зрения его коммуникативно-прагматической организации, мы можем заметить, что коммуникация в нем может быть намеренно искажена. По мнению Н.В. Панченко, адресант классического художественного сообщения, как правило, следует принципам текстопостроения, призванным обеспечить возможность более или менее эффективного понимания читателем. В соответствии с этими принципами текст должен обладать признаками локальной и глобальной связности, предоставлять потенциальному адресату возможность осуществлять непротиворечивую референцию и однозначное отождествление индивидов, строиться с учетом количественных и качественных характеристик фоновых знаний читателя [1].

Под языковыми же средствами презентации мы имеем в виду в первую очередь тропы и лексику, употребляемую автором в художественном тексте и служащую средством выражения отношения автора к объекту высказывания. РА угрозы может быть реализован комплексом лексических и грамматических языковых средств:

- 1) включающих глаголы с деструктивной семантикой:
The sword is out That must destroy thee;
- 2) модальные глаголы с семантикой возможности, волеизъявления, необходимости, долженствования:
*It shall be done. I will arraign them straight.
Let go, slave, or thou diest!*
- 3) маркеры отнесенности продуцируемого действия к будущему:
*Fetch forth the stocks, ho!—You stubborn ancient knave, you reverend braggart, We'll teach you.
Now, presently. Bid them come forth and hear me, Or at their chamber door I'll beat the drum Till it cry sleep to death;*
- 4) объектные местоимения, эксплицирующие направленность действия говорящего на адресата:
*I'll flesh ye. Come on, young master.
I'll pluck ye out;*
- 5) притяжательные местоимения, маркирующие принадлежность объекта угрозы адресату:
*Pluck out his eyes.
'Chill pick your teeth, zir. Come, no matter vor your foins.*
Также отмечено использование инвективной лексики:
Go, sirrah, seek him. I'll apprehend him. Abominable villain!

Мы можем сделать вывод, что понятия художественного дискурса и речевых единиц неразрывно связаны; определенные особенности коммуникативно-прагматической структуры художественного текста и специфика его конструктивной организации способствуют процессу воздействия дискурса на читателя. В этом процессе задействуются и внетекстовые ресурсы — фоновые знания читателя, социальные концепты, характерные для общества, членом которого он является. Описанный нами процесс воздействия на читателя осуществляется с помощью концептуальных и языковых средств. Комплексный анализ РА угрозы в художественном дискурсе с позиций лингвистической прагматики позволил сформулировать сущностные признаки анализируемого РА, а также стратегии и средства реализации РА угрозы в дискурсе. Мы выделили следующие маркеры: глаголы с деструктивной семантикой; модальные глаголы с семантикой возможности, волеизъявления, необходимости, долженствования; маркеры отнесенности продуцируемого действия к будущему; объектные местоимения, эксплицирующие направленность действия говорящего на адресата; притяжательные местоимения, маркирующие принадлежность объекта угрозы адресату, а также использование инвективной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панченко Н.В. «Власть референции» в процессе композиционного построения художественного текста (на материале современной художественной прозы) // Филология и человек. — 2008. — № 1.
2. Серль Дж.Р. Логический статус художественного дискурса [Электронный ресурс] / Дж.Р. Серль // РГГУ, литературно-философский журнал «Логос». — 1993. — № 3 (13). — Режим доступа : http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_03/1999_3_04.htm (Дата обращения: 17 апреля 2014 г.)
3. Austin John Langshaw. How to Do Things With Words // Cambridge (Mass.) 1962 — Harvard University Press, 2nd edition, 2005 — 168 p.
4. Dijk T.A. van. Studies in The Pragmatics of Discourse / T.A. van Dijk // Janua linguarum. Series Maior; 101. — The Hague, Paris, New York : Mouton Publishers, 1981. — 331 p.
5. Searle, Taxonomy of illocutionary Acts // Language, Mind, and Knowledge, ed. K. Gunderson, Minnesota Studies in the Philosophy of Language Science, Vol. VII (Minneapolis, 1975).

У статті розглядається комплексний аналіз менасива (мовленнєвого акту погрози) в художньому дискурсі з позиції лінгвістичної прагматики; особливості комунікативно-прагматичної структури художнього тексту та специфіка конструктивної організації, які сприяють процесу його впливу на читача; суттєві характеристики аналізованого мовленнєвого акту, а також стратегії та засоби реалізації мовленнєвого акту погрози.

Ключові слова: теорія мовленнєвих актів, художній дискурс, менасив, прямі та непрямі мовленнєві акти.

The article presents a comprehensive analysis of menaces (speech acts of threats) in literary discourse tackled from the perspective of linguistic pragmatics; peculiarities of communicative and pragmatic structure of a literary text and its structural organization that impact a reader; the essential features of the analyzed speech act as well as strategies and means of implementing menaces in literary discourse.

Key words: *theory of speech acts; literary discourse; menaces; direct and indirect speech acts.*

УДК 811.11-112

РЕКВЕСТИВНІ МОВЛЕННЄВІ АКТИ У СЕРЕДНЬОАНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ

Зізнська А.П.,

Білоцерківський національний аграрний університет

*У статті розглядаються структурні особливості реквестивних мовленнєвих актів у середньоанглійській мові. Здійснено аналіз одиниць, які вживаються для вираження прохання. Встановлено, що найбільш поширеними реквестивами у досліджуваній період є дієслова *lete*, *pray*, *praieth*, а також імперативні конструкції. Стаття містить ілюстративний матеріал, дібраний з різних творів середньоанглійської мови.*

Ключові слова: *мовленнєвий акт, реквестив, директив.*

Природне мовлення прийнято вважати найважливішим засобом людського спілкування. Однак за винятком так званої фатичної комунікації, тобто спілкування заради спілкування, мовлення покликане вирішувати низку завдань: повідомити про подію, спонукати адресата до певних дій або їх припинення, виразити свої почуття або дати оцінку вчинкам. Мовленнєві акти (МА) є основою цього спілкування. У нашій розвідці **об'єктом** є саме реквестивні МА. Вивчення реквестивних МА в діахронії, що становить **мету нашого дослідження**, дає змогу проаналізувати структуру та мовні засоби вираження досліджуваних одиниць, що зумовлює **актуальність такої розвідки**. **Матеріал дослідження** був дібраний з літературних пам'яток середньоанглійської мови.

Традиційно директивний МА визначають як волевиявлення мовця, націлене на виконання дії слухачем або третьою стороною, тобто директив — це МА, за допомогою якого мовець певним чином хоче вплинути на слухача, спонукаючи його виконати бажану дію. Г.Г. Почепцов виділив два підтипи директивів — ін'юнктив та реквестив. Наше дослідження присвячене реквестивам. Реквестив як МА традиційно розглядається серед формул мовленнєвого етикету і правил ввічливості. Мовець, висловлюючи прохання, в кожній ситуації обирає найбільш релевантний вираз з обов'язковим урахуванням статусу свого співрозмовника. У повідомленнях, розрахованих на адресата, на передній план виходить функція регулювання його поведінки. З регулятивною функцією пов'язані наміри та мета мовця. Отже, в основі реквестивного МА лежить прохання.

МА прохання в англійській мові є неоднорідним, оскільки його іллокутивне наповнення контекстно обумовлене. Окрім характерної для МА прохання висхідної інтонації, яка, до речі, не приступна для безпосереднього вивчення в діахронії, а відтак не є визначальною у контексті нашої розвідки, питомі висловлювання співвідносяться з дієсловами *to beg*, *to ask*, *to pray*, *to plead*, а також *to request*.

Як відомо, більшість експліцитних виразів прохання на морфологічному рівні співпадає у своїй формі з імперативом (*Go! Open! Write!*), але відрізняється від наказу різними маркерами ввічливості. Зокрема, слово *please* у проханні вказує на модальний характер такого висловлення. Для реквестивів сучасної англійської мови вживання зазначеного маркера є досить характерним, на відміну від ранніх етапів розвитку досліджуваної мови. Це можна пояснити тим, що слово *please* до XVII ст. не вживалось самостійно, а лише у складі словосполучень, як-от: *An(d) please you*, *If it please you*. Однак найбільш вживаними маркерами ввічливості у середньоанглійській мові є (*Y the) pray* або *praieth*.

Реквестивні МА у досліджуваній період здебільшого представлені у формі імперативу (1), (2). Імператив у цій функції може бути утворений за допомогою лише смислового або немодального допоміжного дієслова, такого як *com*, *go(wende)* (3), або *lete* (4). Напр.:

(1) "*Out of me chaumber swithe ye fle!*" (Bevis of Hampton, 694) — «*Збирайся геть з моєї кімнати!*»;

(2) "*Have,*" a seide, "*ber this sonde / Me leve swet!*" (Bevis of Hampton, 278–279) — «*Передай, — він сказав, — це повідомлення моїй коханій!*»;